

DOI: 10.31648/pl.10751

NATALIA SANŻAREWSKA-CHMIEL

University of Siedlce

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8424-7267>

e-mail: natalia.sanzarewska-chmiel@uws.edu.pl

Неизвестные моменты жизни В. Щурата в межвоенный период (1918–1939 гг.) (на основе автобиографических материалов)

Unknown Moments from V. Shchurat's Life in the Interwar Period (1918–1939): Based on Autobiographical Materials

Słowa kluczowe: Wasyl Szczurat, okres międzywojenny, materiały autobiograficzne, ukraińskie literaturoznawstwo historyczne

Keywords: Vasyl Shchurat, the interwar period, autobiographical materials, Ukrainian historical literary studies

Abstract

This article presents research on the interwar period in the life of Vasyl Shchurat – a literary scholar, poet, translator, teacher, ethnographer, and the first Galician comparativist. Little is known about the life and work of this Galician researcher during that time; therefore, the author examines both archival autobiographical sources and the memoirs of his acquaintances.

Постановка проблемы

Василий Щурат (1871–1948) является представителем галицкой интеллигенции, учёным-литературоведом, переводчиком, публицистом, переводчиком, поэтом, педагогом и этнографом. Имя Василия Щурата принадлежит к числу практически забытых имён. Его работы не запрещались

в советское время, но и не переиздавались, поэтому он был известен лишь узкому кругу учёных, да и то, в основном, как биограф Ивана Франка.

В данной статье хотелось бы обратить внимание именно на самый мало изученный период жизни Василия Щурата, пришедшийся на межвоенные годы (1918–1939). В архиве научной библиотеки имени Василия Стефаника во Львове, куда был передан, надеемся, весь личный архив Василия Щурата, удалось найти *Тюремні днівники* [*Тюремные заметки*], которые писатель вёл несколько дней, где-то в период с августа 1919 до января 1920 г. Также сохранилась краткая запись-воспоминание *Prometoria*, которая, судя по описанным событиям, предствлвляет события 1923 г. Кроме того, на нескольких листках есть даты с отдельными словами и пометками. Упомянутые записи служат доказательством того, что автор планировал продолжить автобиографию и готовил к ней план. Жаль, но из всех записей с биографией автора на прямую можно соотнести лишь такие слова, как „болел” или „письмо от...”. Большинство фраз трудно связать с биографическими моментами, или они вообще нечитаемы.

Ещё один источник информации этого периода – вышеупомянутые воспоминания Михаила Рудницкого, лично знавшего Василия Щурата. В советский период вышла книга его воспоминаний о различных деятелях Галиции, и не только (1964), где автор описывает сцены своих встреч по разным поводам с украинскими писателями, поэтами, учёными. Стоит заметить, что, поскольку книга была издана ещё в советское время, автор о многом не мог написать. Три воспоминания о Василии Щурате представляют интересные или забавные ситуации связанные с его поэтической и научной деятельностью, одно касается должности ректора 1-го Украинского тайного университета во Львове. Такой выбор обусловлен, возможно, тем, что это никак не противопоставлялось советской власти. Можем предположить, что Михаил Рудницкий знал гораздо больше о Василии Щурате, но не мог об этом написать.

Также, некоторые биографические данные можно найти в монографии *Пам'ятна книга Гімназії Сестер Василянук у Львові* [*Памятная книга Гимназии Сестер Василянок во Львове*], под редакцией Владимира Льва, издательства Научного общества им. Т. Шевченко 1980 г. выпуска, содержащей подробности деятельности Гимназии сестер Василянок во Львове, директором которой в 20-е годы XX века был Василий Щурат.

Надеемся, что впоследствии откроются другие подробности жизни учёного в этот период, например, из частных архивов, или из, возможно, сохранившейся личной переписки, поскольку все эти материалы только сейчас

начинают публиковаться. Тем не менее очень важно заполнить биографические пробелы жизни Василия Щурата.

Цель исследования

Таким образом, целью данного исследования является восстановление биографических моментов жизни В. Щурата в межвоенный период (1918–1939 гг.), используя собранные архивные автобиографические материалы, а также опираясь на связанные с темой исследования научные публикации.

Методология

Базовым исследовательским методом в данной работе был выбран биографический метод, как основной подход в исследовании важнейших обстоятельств жизни человека в процессе анализа письменных биографических материалов, раскрывающих поворотные точки в судьбе конкретного индивида. Такие материалы включают в себя автобиографии, биографии, некрологи, жизненные истории, истории персонального опыта, устные и личные истории. Данный метод позволяет реконструировать жизненные моменты отдельных индивидов на основе изучения личных документов.

Кроме того, дополнительным методом стал историко-сравнительный анализ, который даёт широкие познавательные исследовательские возможности. Хотя данный метод в основном используется в исторических исследованиях, но имеет более широкое применение, поскольку дает возможность выходить за пределы исследуемых явлений и на основе аналогий осуществлять исторические сопоставление. В данном случае метод позволяет соотнести упоминаемые автором биографические моменты и знакомства с историческими событиями и личностями, что даёт возможность воссоздать определённые моменты из жизни В. Щурата в контексте истории Галиции в период с 1918 по 1939 гг.

Обзор исследований и публикаций

Наиболее исследованным этапом жизни В. Щурата являются молодые годы, о которых он оставил автобиографическую заметку (до момента

знакомства с Иваном Франко и первые годы знакомства), а также период обучения в Вене и их активного сотрудничества как учёных. Эти этапы жизни описаны в работах Степана Трофимука, Михаила Рудницкого, Мирослава Мороза и сына Василия Щурата, Степана Щурата. Вступительная статья С. Трофимука *Поетична творчість Василя Щурата* [*Поэтическое творчество Василия Щурата*] (1962) главным образом рассматривает ранний период жизни поэта (до начала I Мировой войны), когда тот активно занимался поэзией и поэтическими переводами. Сборник воспоминаний М. Рудницкого *Письменники зблизька* [*Писатели вблизи*] (1964) содержит несколько воспоминаний о встречах со Щуратом и будет рассмотрен ниже. Статья М. Мороза *Василь Щурат (до 100-річчя від дня народження)* [*Василий Щурат (к 100-летию со дня рождения)*] (1971) вышла в журнале „Народна творчість та етнографія” и посвящена этнографическим работам учёного. Отдельно стоит выделить биографию Василия Щурата, авторства его сына Степана Щурата *Василь Щурат (життя і науково-літературна діяльність)* [*Василий Щурат (жизнь и научно-литературная деятельность)*] (1963), которая была помещена с борник избранных научных трудов отца.

Среди современных исследователей жизни и творчества В. Щурата, стоит отметить работы Ларисы Козак: *Василь Щурат та Іван Франко: з історії особистих і творчих взаємин* [*Василий Щурат и Иван Франко: из истории личных и творческих отношений*] (2011), *Тарас Шевченко в рецепції Василя Щурата* [*Тарас Шевченко в рецепции Василия Щурата*] (2011), *Перекладацька діяльність Василя Щурата* [*Переводческая деятельность Василия Щурата*] (2013), *Франкіяна Василя Щурата: листи, статті, спогади* [*Франкиана Василия Щурата: письма, статьи, воспоминания*] (2013). Тему отношений И. Франка и В. Щурата поднимает также Олег Баган *Іван Франко і Василь Щурат як інтерпретатори модернізму (До історії відомої дискусії)* [*Иван Франко и Василий Щурат как интерпретаторы модернизма (К истории известной дискуссии)*] (2001). Большинство данных публикаций касаются периода жизни В. Щурата до 1916 года.

В дополнении к вышесказанному стоит упомянуть, что последние исследования, посвящённые В. Щурату, связаны с его научной и творческой деятельностью. Так, статья Андрия Кадыло и Игоря Каривца *Samoświadość filozoficzna galicyjskich intelektualistów narodowości ruskiej końca XIX i początku XX wieku: Klemens Hankiewicz i Wasyl Szczurat* [*Философское самосознание галицкой интеллигенции русинской национальности в конце XIX — начале XX века: Клеменс Ханкевич и Василь Щурат*] (2019) анализирует историко-философскую сферу интересов учёного, а работа Томаша Пудлоцкого *Wasyl (Bazyli)*

Szczurat: uczoney, tłumacz i patriota [Василь (Bazyli) Щурат: ученый, переводчик и патриот] (2016) касается, в основном, перемышльского периода деятельности В. Щурата (1898–1899). Предыдущие публикации автора данной статьи посвящены переводоведческим и филологическим аспектам творчества В. Щурака в контексте польско-украинских отношений: *Польськознавчі студії Василя Щурата* [Польсковедческие исследования Василия Щурата] (2010), *Wasył Szczurat i Polska* [Василий Щурат и Польша] (2010), *Prace komparatystyczne Wasyła Szczurata (o literaturze polskiej i ukraińskiej)* [Компаративистические работы Василя Щурата (о польской и украинской литературе)] (2010), *Vasyl Shchurat About Koliyivshyna in Polish Literature Before 1841* [Василий Щурат о Коливищине в польской литературе до 1841 года] (2016), *Щурат об українських перекладах поезії Юліуша Словацького* (2017), *Василий Щурат: Проблема національної самоідентифікації* (2018), *Василь Щурат як філолог та перекладач у контексті польсько-українських взаємин* [Василий Щурат как филолог и переводчик в контексте польско-украинских отношений] (2021), *Vasyl Shchurat's Fundamentals of Shevchenko's Relations with the Poles: Biographical Aspect of the Study* [«Основы взаимоотношений Шевченко с поляками» Василя Щурата: биографический аспект исследования] (2022).

Введение

Вклад Василия Щурата в украинскую литературу (как поэта и переводчика) и науку (включая историю, литературоведение, переводоведение, педагогику, журналистику и т.п.) довольно значителен. Его творческое наследие, известное на данный момент, составляет несколько сотен научных публикаций на разные темы. Кроме того, он занимался переводами на украинский с французского, польского, немецкого, русского, итальянского, чешского, румынского, венгерского, английского, болгарского, белорусского, сербского, словенского и датского, а также с античных языков, иногда автор переводил с украинского на польский, немецкий и русский языки.

Родился Василий Щурат 24 августа 1871 г. в Выслобоках возле городка Куликово на Львовщине. На период обучения в гимназии приходится знакомство тогда еще ученика Академической гимназии с уже известным писателем и учёным Иваном Франко, который позже познакомил В. Щурата с М. Драгомановым. Щурат получил университетское образование в Вене, а в июле 1896 г. – степень доктора философии. Благодаря дружбе с И. Франко

Щурат находится в центре научной и культурной деятельности Галиции и принимает в ней активное участие: пишет стихи, делает переводы, публикует научные статьи на разные темы (иногда до 40–50 в год). Кардинальные изменения отношения между Иваном Франко и Василием Щуратом претерпели в 1896 г., когда прекратились почти на десять лет. Причиной, по версии Степана Щурата, стал спор, возникший между друзьями по поводу статьи В. Щурата *Д-р Иван Франко*, в который автор, делая обзор творчества И. Франко, высказывается о его сборнике *Увядшие листья*, как о проявлении декадентства в украинской литературе. На протяжении этих десяти лет Щурат живёт и работает в Перемышле и Бродах. По возвращении во Львов в 1907 г., его отношения с Франко налаживаются. Оставшуюся часть жизни В. Щурат проводит во Львове.

Самыми значительными переводами Щурата считаются *Песнь о Роланде* (единственный существующий перевод этого произведения на украинский) и *Слова о полку Игореве*, а самым известным научным трудом является монография *Шевченко і Поляки. Основа взаємних зв'язків [Шевченко и Поляки. Основа взаимных связей]*.

Изложение основного материала

Межвоенный период, пожалуй, стоит назвать самым сложным в жизни Галиции для украинского населения: закрывались украинские школы, ликвидировались кафедры, а активная про-украинская позиция преследовалась властями. Это одновременно наименее исследованный период жизни В. Щурата¹. В биографической работе сына исследователя лишь вскользь упоминаются такие факты, как отказ принятия польского гражданства, пребывание в должности Ректора Украинского тайного университета с 1921 по 1923 г. и временное тюремное заключение из-за отказа принять польское гражданство. Также известно, что в 1923-м Василий Щурат отказывается от руководства научным обществом Тараса Шевченко во Львове и, по словам сына, занимается личным архивом, готовит какие-то материалы к печати, ведёт спокойную жизнь. Никакой дополнительной информации не представлено, и это понятно, потому что советская власть очень негативно относилась к украинским деятелям и ученым межвоенного периода. Кроме того, активизация

¹ Также очень мало сведений о его жизни во время второй мировой войны и спустя три года после неё.

деятельности украинских Национально-сознательных кругов во Львове, и вообще в Галиции, считалась антисоветской, и поэтому безопаснее было сообщить о факте ухода на пенсию. (Никто из упомянутых нами выше других авторов не поставил под сомнение этот факт: они лишь повторили высказывание сына, поскольку в архивах не сохранилось практически никаких документов, которые могли бы предоставить другую информацию.) Фактически, если вся биографическая заметка Степана Щурата о своём отце, Василии Щурате, состоит где-то из 20 страниц, то на межвоенный период выделено примерно полстраницы.

Найденные в архиве автобиографические материалы (*Тюремные заметки*, которые писатель вёл, находясь в тюрьме, запись-воспоминание о беседе по делу Украинского тайного университета с польскими властями под названием *Promemoria* и отдельные заметки, которые служили планом для так и не написанного продолжения автобиографии) при сопоставлении с очень скупой информацией, приведённой сыном Василия Щурата, позволяют в какой-то мере восстановить хронологию жизни учёного в исследуемый период.

Развитие украинско-польских литературных и культурных отношений постоянно находилось в прямой зависимости от политики правительств и общественных настроений. Ситуацию, которая сложилась во Львове для украинской интеллигенции в 1918 г., была очень сложной: закрывались украинские школы и издательства, во Львовском университете были ликвидированы все украиноведческие кафедры. Вполне понятно, что это вызвало возмущение среди местного украинского населения, причину чего очень удачно объяснил сам В. Щурат в разговоре с г-ном Юзефом Рейнлендером, бывшим директором львовской полиции в их разговоре по делу об Украинском тайном университете:

Вы занимаете по отношению к украинскому языку и литературе ту же позицию, которую занимало когда-то царское правительство [по отношению к Польше – Н. С.-Х.]. А мне казалось, что после того, как разлетелась царская Россия, наши два народа будут совместно бороться за ту свободу, за которую когда-то польские революционеры ссылались в Сибирь (Рудницький 1964: 88)².

Также Щурат отреагировал на вышеупомянутые события, опубликовав стихотворение *Маніфест польскості Львова* [*Манифест Манифест польскости Львова*]³ (В. Щурат 1918: 3), где выразил свою решительную позицию

² Тут и далее: перевод с украинского и польского мой – Н. С.-Х.

³ *Маніфест польскості Львова*
Чого ви кричите? Ми віримо, панове,

Манифест польскости Львова
Чего вы кричите? Мы верим, господа,

по этому делу, фактически назвав польское правительство в Галиции оккупацией. В следующем, 1919 г., отношения В. Щурата с местными властями значительно ухудшились после того, как он отказался присягнуть на верность новому правительству, ибо „приносить присягу, оскорбительную для своего народа, редко кто может” (Рудницький 1964: 88).

Он был арестован более чем на четыре месяца (с августа 1919 до января 1920 г.). В течение трёх дней (11–13) декабря он ведёт *Тюремные заметки* (В. Щурат: с) на страницах записной книжки, из которых мы можем узнать, что содержался он в камере под номером 20 с другим заключённым по фамилии Ганкевич, однако были планы перевести его в другую камеру (под номером 30), где содержался значительно более серьёзный преступник Федак и, только после разговора В. Щурата с директором тюрьмы Мельником и вмешательства последнего, В. Щурата оставили в покое в 20-й камере. Причиной этого было подозрение некоторых сотрудников тюрьмы, что Василий Щурат был автором сатирического фельетона в журнале „Вперед” [Вперёд] о тюремном надзоре. Как иронически пишет сам автор заметок: „«Вперед» – с марта 1919 г. не получил от меня ни строчки. Стоит ему что-то дать”. Кроме того, В. Щурат в своих заметках выражает возмущение арестом студентов, участников протеста на ул. Мохнацкого, о чём он узнал из того же „Вперед”.

После выхода из тюрьмы В. Щурат болеет: „1920: я болею зимой и весной” (Щурат: а). Вдобавок, он остаётся без возможности заработка, по словам его сына, в течение почти трёх лет. Здесь следует обратить внимание, на некоторое несоответствие, поскольку, согласно *Памятной книге Гимназии*

Що перлою для вас був до сьогодні Львів.
З часу, як вас сюди ваш Казимір привів,
Було в нім серед нас життє для вас шовкове.

Чого бажалось вам, знайшли ви тут готове.
Що дня тут кожний з вас до сита пив і їв,
Руками нашими собі дома строїв,
Руками вашими на нас кував окови.

І Бог вість, доки ще не браклоби вам паші,

Колиб не наша кров, що на окови ваші
Так довго капала, аж з’їла їх іржа.

Розкована рука відкинула покору.
Де ваш орел виднівся, наш лев піднявся в гору.
Тепер вас це гризе? – Оправдана грижа!

Что жемчуженой для вас был до сегодня Львов
С тех пор как вас сюда ваш Казимир привел,
Была в нём среди нас для вас жизнь шелковая.

Чего желалось вам, нашли вы здесь готовое.
Ежедневно здесь каждый из вас досыта пил и ел,
Руками нашими себе дома украшали,
Руками вашими на нас ковали оковы.

И Богу известно, на сколько ещё хватало б вам
выпаса,

Если бы не наша кровь, что на ваши оковы
Так долго капала, пока не съела их ржавчина.

Раскованная рука отвергла смирение.
Где ваш орел виднелся, наш лев поднялся ввысь.
Теперь вас это грызет? – Оправданная грыжа!

сестёр Василянок, уже в 1921 г. он возглавляет ранее упомянутую женскую гимназию (Лев 1989: 94).

Ещё один интересный факт находим в личных заметках: „1921, август: вызвали в полицию/ арест до января 1922”. Фактически получается, что либо В. Щурат был арестован дважды, либо просто перепутал даты, ибо кроме года ареста, период ареста совпадает.

После этого все свои силы он сосредотачивает на деятельности НТШ и организации украинских университетских курсов при Научном обществе, которые, по его инициативе, превратились в подпольный Украинский тайный университет. Сам В. Щурат коллегией профессоров был избран ректором этого университета, что стало полной неожиданностью для многих его знакомых. М. Рудницкий пишет об этом так:

Все, кто знали жизненный путь Щурата, удивлялись его решимости: он мог скорее согласиться стать пенсионером, чем принять честь, которую трудно было представить себе без неприятностей.

Честно говоря, он на протяжении всей своей жизни не участвовал в общественной жизни и любил уют. Если бы мне сказали, что он стал епископом, я бы скорее поверил (Рудницкий 1964: 85).

Трудно согласиться с мнением М. Рудницкого о том, что Щурат в течение своей жизни не принимал активного участия в общественной жизни, поскольку вся его жизнь доказывает совершенно противоположное, включая его активную позицию в вопросе с присягой. Причиной такого утверждения может быть то, что М. Рудницкий напечатал свои воспоминания в советское время, когда полная правда могла не только привести к запрету книги, но и самого В. Щурата. Скорее можно предположить, что автор пытался доказать, что учёный держался подальше от политических событий, чтобы последнего не обвинили в национализме.

По поводу своей новой должности В. Щурат несколько раз беседовал с представителями польских властей: с бывшим директором львовской полиции Юзефом Рейнлендером (Józef Reinlender), о чём упоминает М. Рудницкий, а также с куратором Янушем Совинским (Janusz Sowiński) и директором Департамента министерства образования Людвиком Быковским (Ludwik Bykowski), о чем пишет сам В. Щурат в *Promemoria* (В. Щурат: б). В обоих случаях эти встречи не были официальными и имели целью собрать больше информации об Украинском тайном университете и отговорить В. Щурата от дальнейшего участия в нём. Однако на В. Щурата это не произвело никакого впечатления:

Я боюсь не того, что полиция будет наступать нам на пятки и цепляться за все формальные нарушения закона, а что нам разрешат организовать университет как государственный. Молодежь всегда [больше – Н. С.-Х.] любит конспирацию, всё то, что запрещено, чем исполнение ежедневных обязанностей ... Признаюсь – я тоже (Рудницкий 1964: 88).

В должности ректора университета и председателя Научного общества им. Шевченко (укр. Наукове товариство ім. Шевченка, НТШ) Василий Щурат остаётся до 1923 г. Можем предположить, что причиной ухода с ректорской должности было значительное обострение его отношений с польскими властями, которые не только воспринимали его как „революционера”, но и планировали перевести его из Львова на другую должность (В. Щурат: а). Однако, после решения В. Щурата покинуть пост ректора Украинского тайного университета, Я. Совинский принял решение оставить В. Щурата „при управе гимназии Василианок” (В. Щурат: а). Хотя учёный уже не руководил Украинским тайным университетом, он продолжал заведовать кафедрой украинской литературы и читать лекции по истории украинской литературы XIX в. и истории украинского литературного языка XVII–XIX вв. ещё в течение года. В то же время эта информация подтверждает факт, что в тот период В. Щурат фактически занимал три руководящих должности одновременно: главы НТШ, ректора Украинского тайного университета и должность «при управе гимназии Василианок» (В. Щурат: а). Принимая во внимание его активную научную деятельность, это не может не вызвать восхищения.

Во время своей работы в должности директора гимназии В. Щурат одновременно преподаёт украинский язык (Лев 1989: 94). Также в книге можно найти информацию, что до 1928 года он ведёт в ней Литературный кружок им. Леси Украинки, который возник под влиянием его лекций и дискуссий, проводимых на его уроках. Члены кружка готовили рефераты, писали эссе и делали доклады, некоторые из которых отдавались в печать в журналы (Лев 1980: 233–234).

Несмотря на все неурядицы, В. Щурат не оставляет научной деятельности, причём ухудшение отношений с польскими властями не влияет на его восприятие польской литературы. Однако, количество его научных работ значительно уменьшилось по причине общих трудностей с украинской печатной прессой (До 1918 года годовое количество различных публикаций составляло от 15 до 50 работ в год, в последующие годы доходило до 5–12, в 30-е годы у В. Щурата выходило по 3–4 работы, а перед II Мировой вообще сократилось до 1–2).

Вместе со значительной частью умеренной интеллигенции В. Щурат положительно воспринял события в советской Украине и политику „украинизации” 20-х гг. Он поддерживал связь с Академией наук УССР, несколько раз

ездил в Киев, где участвовал в научных заседаниях, сохранял отношения с представителями украинских научных и литературных кругов. После возвращения во Львов он организовал и возглавил комиссию шевченковедения при НТШ, которая, в частности, занималась исследованием распространения и влияний произведений Шевченко в Западной Украине. В 1929 г. В. Щурат был избран действительным членом Академии наук УССР, однако через год он отказался от этой должности из-за начала сталинского террора.

В начале 30-х гг. усугубляются отношения В. Щурата с некоторыми членами НТШ. Причиной этого стали, с одной стороны, упрёки по поводу контактов с Советской Украиной, а с другой – увеличение количества людей, выбравших радикальный способ действий по выходу из сложной ситуации, в которой оказались галицкие украинцы, отвергая умеренные взгляды своих предшественников Михаила Драгоманова и И. Франко, с чем В. Щурат согласиться не мог. В результате, в 1933 г., он отказывается от управления комиссией шевченковедения и покидает НТШ.

В начале 30-х гг. учёный был лишён права осуществлять педагогическую деятельность из-за его связей с Украинским тайным университетом во Львове, и это стало главной причиной ухода с должности директора при женской гимназии сестёр Василианок в 1934 г. В следующем, 1935 г., он, по словам его сына, переходит на пенсию и держится в стороне от общественной жизни, занимается личным архивом, пишет воспоминания (С. Щурат 1963: 21). Зная, каким активным человеком был Василий Щурат, можем предположить, что обострение политической ситуации постепенно лишило его возможности публиковать свои исследования, однако трудно представить, что такой активный человек вдруг прекращает любую общественную деятельность. Подобное утверждение, по-видимому, было обусловлено политической ситуацией в УССР и имело целью защитить память отца.

Собранные материалы создают образ человека с активной общественной позицией, уважаемого, хорошо организованного учёного, которым и был Василий Щурат. Немного иную картину создают воспоминания, оставленные Михаилом Рудницким. Автор выбрал для книги забавные моменты своих встреч с исследователем до II Мировой войны. В них Щурат предстаёт хитро-ироническим, прагматично-остроумным, умеющим „продать” издателю ещё не написанные стихи и обойти в цене авторов уже написанной лирической поэзии (Рудницкий 1964: 78–80) (хотя это воспоминание касается Щурата начала XX в.); кроме того, мы можем увидеть ученого, которого поглотила страсть библиофила на столько, что он согласен закрыть глаза на некоторые нравственные нормы, лишь бы заполучить ценный

экземпляр (Рудницький 1964: 89–92). В то же время мы видим осторожного и немного сентиментального человека, который очень вежливо отказывается написать статью по поводу десятой годовщины смерти своего друга, Ивана Франко, ловко переводя тему разговора на свои воспоминания о нём таким образом, чего собеседник уже и забыл, что хотел (Рудницький 1964: 88–84).

Хотя воспоминания Михаила Рудницкого несут в себе субъективный оттенок впечатлений от Щурата самого автора, однако они дают ценную информацию о круге знакомых Василия Щурата в анализируемый период. Среди довоенных знакомых Щурата мы видим поэтов Петра Карманского и Василия Пачовского, редактора Михаила Петрицкого и писателя Михаила Яцкива (Рудницький 1964: 76–80). В межвоенный период неотступными приятелями Щурата были учителя женской гимназии сестёр Василианок: учитель истории Емельян Терлецкий и учитель физики П. Мечник (Рудницький 1964: 88–84). Кроме того, учёный общался с адвокатом Николаем Ганкевичем и бывшим директором львовской полиции Юзефом Рейнлендером, хотя последнего трудно назвать знакомым: „Щурат знал Рейнлендера лично; он познакомился с ним давно в каком-то обществе, и с тех пор, когда встречали друг друга на улице, обменивались вежливо поклонами” (Рудницький 1964: 86).

Также Рудницький вспоминает, что Щурат был знаком с издателем детского журнала „Світ дитини” [Мир ребенка] Михаилом Таранько, адвокатом и депутатом Владимиром Бачинским, старшим врачом Иваном Куровцом, нищим Иваном Косыниным (у которого покупал ценные экземпляры книг) и митрополитом Андреем Шептицким, хотя последний лишь упоминается как прежний владелец одной из купленных книг (Рудницький 1964: 89–92).

Здесь следует отметить, что о связях Василия Щурата с митрополитом Шептицким информация в советских исследованиях отсутствует, видимо, учитывая советскую цензуру. Однако в *Памятной книге Гимназии Сестёр Василианок во Львове* упоминается, что:

1. Митрополит Шептицкий опекал женскую гимназию Сестёр Василианок,
2. Финансово поддерживал и опекал Украинский тайный университет,
3. Когда митрополит вернулся из ссылки, его активно приветствовали во Львове, в том числе и ученицы гимназии,
4. На одном из торжеств, организованных в гимназии, где присутствовал митрополит Шептицкий, одна из учениц читала стихотворение Щурата, написанное по этому случаю.

Все эти события происходили во время пребывания Василия Щурата в должности директора гимназии (Лев 1989). Таким образом, вопрос

знакомства Щурата и Шептицкого остаётся открытым, но очевидно, что Щурат довольно хорошо знал митрополита. Возможно, со временем появятся новые факты, относящиеся к этому периоду.

Что делал Василий Щурат в последние годы межвоенного двадцатилетия ещё не изучено детально. Этот вопрос также остаётся открытым. Пока можем лишь повторить слова Степана Щурата, что исследователь держался в стороне от общественной жизни, занимался своим архивом и готовил материалы к новым публикациям.

Выводы

Время, когда Галиция вошла в состав Польши, очень сложным этапом украинско-польских отношений. Политика, проводимая правительством Юзефа Пилсудского, значительно усилила недовольство украинской части населения Галиции, в частности, после поражения в украинско-польской войне. Наиболее трагичны 30-е гг.: вооружённые восстания украинцев заставили польское правительство ввести политику пацификации, что ещё более усугубило кризис. Таким образом, жизнь Василия Щурата пришлось на период обострения польско-украинских отношений.

В данной работе представлена реконструкция биографических моментов жизни В. Щурата в период с 1918 по 1939 гг. Сложное отношение к органам польской власти в межвоенном Львове, с одной стороны, и замалчивание творчества писателя (по разным причинам, о которых было сказано), с другой стороны, обусловили тот факт, что Василий Щурат игнорировался советской наукой как учёный, упоминаясь только как поэт и друг Ивана Франка. Ситуацию не изменило даже издание в Киеве в 1963 г. солидного тома избранных трудов В. Щурата по истории литературы, включающего библиографию писателя, составленную Степаном Щуратом.

Советская цензура не позволяла в полном объёме показать жизнь и творчество ученого, поэтому в его биографии остаётся ещё много белых пятен, как, например, степень знакомства В. Щурата с митрополитом Шептицким, или реальные события жизни учёного второй половины 30-х гг. Отсутствуют сколь-нибудь подробные исследования о военных и послвоенных годах жизни В. Щурата (1939–1948). Единственную информацию об этом периоде можно найти в вышеупомянутой биографии С. Щурата, где упоминается, что последние научные прижизненные публикации В. Щурата вышли в свет в 1941 г. и были посвящены И. Франко. Также в ней упоминается

о том, что после Второй мировой войны В. Щурат оставляет пенсию и возвращается на работу во Львовский университет, где занимает должность профессора, а также директора Львовской библиотеки Академии наук УССР и работает до самой смерти в 1948 г. Таким образом, в биографии В. Щурата остаётся много работы для будущих исследователей его творчества.

Литература

- Лев Василь (гл. ред.) (1980), *Пам'ятна книга Гімназії Сестер Василянок у Львові*. НТШ, Нью Йорк – Париж – Сидней – Торонто.
- Рудницький Михайло (1964), *Письменники зблизка*. Кн.-жур. изд-во, Львов.
- Щурат Василь (1918), *Маніфест польськості Львова*. „Діло”, № 243, Львов: 3.
- Щурат Василь (г/н), *Різне*: рукопись, архив В. Щурата во Львовській бібліотеке ім. В. Стефаника, отдел рукописей, ф. 206 [a].
- Щурат Василь (г/н), *Protemoria*: рукопись, архив В. Щурата ..., ф. 206 [b].
- Щурат Василь, (г/н), *Тюремні днівники*: рукопись, архив В. Щурата ..., ф. 206 [c].
- Щурат Степан (1963), *Василь Щурат (життя і науково-літературна діяльність)*. В: В. Щурат, *Вибрані праці з історії літератури*. Изд. Акад. Наук УССР, Киев: 3–22.